

ДРЕВНЕРУССКОЕ И БАРОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ СЛОВ «КНИГА» И «ПИСАТЕЛЬ»

Иштван Феринц

Известно, что относительная монолитность древнерусской литературы сохраняется до конца XVI века, но XVII век является веком перехода от древнерусской литературы к новой и подготовки радикальных перемен в русской литературе. Этот переход означает европеизацию русской культуры, ее переориентацию сначала на католическую Польшу, а затем на протестантскую Голландию, и, наконец, на Францию. Со второй половины XVII в., особенно после присоединения к Московскому государству Украины, расширяются и углубляются культурные связи России с Украиной и Белоруссией. После Брестской унии 1596 г. украинская и белорусская православная интеллигенция искала помощи в Москве. В Москве появляются книги, написанные на Юге, однако важно подчеркнуть, что в Москву переносятся не столько памятники, сколько стиль, литературные приемы, направления, эстетические вкусы и представления. Из Киева в Москву вызываются ученые люди для устройства училищ, для перевода и печатания книг, и «они несли с собой и общие навыки научного языка и мышления, и свою профессиональную терминологию» – как писал В.В. Виноградов (1945: 73).

Как одно из проявлений влияния нового типа может рассматриваться барокко. Русское барокко – это не только отдельные произведения, переведенные с польского или пришедшие с Украины и из Белоруссии. Это прежде всего литературное направление, возникшее под влиянием польско-украинско-беларусского воздействия. Вопросам русского барокко А.М. Панченко посвятил статью: «Два этапа русского барокко» (Панченко 1977). Вопросы переходного века и влияния барокко на русскую литературу А.М. Панченко (1979, 1980: 126) рассматривает в плане столкновения и смены культурных ценностей. На его выводы будем опираться при определении причины противостояния средневековой и барочной культур, а также при различии древнерусского и барочного понимания культуры.

Верно, что в XVII в. русское общество раскололось, что его сотрясали социальные, конфессионные, культурные распри, но одно время и одна страна породили людей, которые вели эту борьбу. У них было одинаковое «ощущение жизни», все думающие люди чувствовали, что они присутствуют при неслыханной ломке, что происходит радикальная смена ценностей. Очевидный закат Древней Руси традиционалисты переживали как мучительную утрату, как национальную и личную катастрофу. Они расценивали его как некое злоумышление, как посягательство на русскую культуру. В том, что официальная Россия (прежде всего двор и правящая верхушка) стала перенимать европейское барокко, традиционалисты усматривали прямое вероотступничество. *«Выпросил у бога светлую Росию сатана, – писал Аввакум, – да же очервленит ю кровию мученическою»* (Житие: 95). Опасение за честь Руси звучит, например, в челобитной соловецких монахов царю Алексею Михайловичу (сентябрь 1667 года): *«Не вели, государь, тем новым учителем [...] истинную нашу православную веру [...] изменить, чтобы нам [...] тою новою верою прародителей твоих государевых и святых не посрамить, а иноземцам и наемником [...] впредь дерзновения не подати»* (Панченко 1980: 130).

Барочную культуру характеризует состязание культурных ценностей. Средневековая Русь, конечно, знала и принцип диспута (существовал даже особый жанр «прения»), и реальные, очные и заочные, устные и письменные учено-философские споры, но в XVII в. ученые прения значительно учащаются и становятся непременным элементом культуры. Другими словами, количественное учащение диспутов следует толковать как качественную перемену. Глава «латинствующих» Симеон Полоцкий считает, что диспут не только допустим, не только нормален, но и желателен. (Он сам являлся участником нескольких споров, например, Симеон Полоцкий в 1666 г. состязался с заключенным Аввакумом, затем публично спорил с Епифанием Славинецким и др.). Иначе говоря, Симеон Полоцкий – сторонник состязательной культуры, «Состязание – это игра „острых разумом“, искушенных в науках интеллектуалов, это их быт, их обязанность» (Панченко 1996: 200). Приведенные А.М. Панченко диспуты убедительно свидетельствуют, что состязательность вошла в плоть культуры «бунташного века». Состязаются и авторы, и культурные аксиомы, ценности, прежде всего та-

кие важнейшие понятия, как произведение и автор, как книга и писатель.

В Древней Руси была своя классификация и своя иерархия книг (См. об этом Лихачев 1973: 49). Как и в любой средневековой литературе, на первом месте находились «душеполезные» книги – Писание, затем Предание (произведения отцов и учителей церкви, постановления семи вселенских соборов), сочинения русских авторов, причисленных к лику святых и т.д. Несмотря на многочисленные пожары в средние века, книжное наследие Древней Руси поражает своей огромностью.

Размышляя о нем, мы наталкиваемся на следующий парадокс: книг много в монастырских библиотеках, а больших личных библиотек нет. Состоящая из сотен и тысяч томов личная библиотека – это явление барокко. Такие собрания, равные по числу книгохранилищам крупнейших русских монастырей были у Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Стефана Яворского и других «новых учителей».

Отгадку парадокса и здесь нужно искать в сфере культурных идеалов. Обратимся к Аввакуму, самому яркому защитнику и выразителю древнерусских идеалов. Его «Житие» завершается несколькими самостоятельными в сюжетном плане рассказами, которые по функции подобны традиционным агиографическим «чудесам». В первом из этих рассказов Аввакум вспоминает, что некогда Стефан Вонифатьев, один из самых почтенных «боголюбцев», благословил его (Аввакума) иконой и книгой. Это был сборник поучений Ефрема Сирина, выдержавший в середине XVII века четыре издания. Поучения полны эсхатологических ожиданий, отчего они и пришлись по сердцу русским традиционалистам. Главная тема сборника – необходимость для всякого христианина быть готовым к Страшному суду, необходимость молитвы, поста и покаяния.

Эту душеполезную книгу Аввакум променял на лошадь, и бог наказал его семью. «Лошадь ту по ночам и в день стали беси мучить». Бесы терзали и брата Аввакума-Евфимия, который «лошадь сию поил и кормил». Евфимий рассказал брату о своем видении: бесы его «водили и били, а сами говорят: «Нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошадь променял книгу» (Житие: 110). Пришлось Аввакуму взять книгу обратно, а за лошадь заплатить деньгами.

Отсюда ясно, что древнерусский человек состоял с книгой в особых отношениях. Книга – не вещь, это своего рода неотчуждаемое имущество (конечно, в идеале, потому что в житейской практике книги продавались и покупались). Как приведенный пример показывает, не столько человек владеет книгой, сколько книга владеет человеком, «врачуется» его (Аввакум ведь прямо написал, что Стефан Вонифатьев наделил его книгой, дабы «себя пользоваться, прочитая, и люди»). Книга, подобно иконе, – духовный авторитет, духовный руководитель.

Еще в «Изборнике» 1076 г. читается «Слово некоего инока о чтении книг» (Красноречие: 34), в котором подчеркивается важность чтения для христианина, «ибо сказано: «блаженны познающие учение его, всем сердцем стремящиеся к нему, [...] и не будет праведника без чтения книжного» (Там же: 35). Чтение книги для традиционалистов – не акт, но процесс подобно тому, как лекарство надлежит употреблять многократно, чтобы выздороветь телесно. Так и книгу нужно читать постоянно, раз за разом, чтобы сохранить духовное здоровье. В своих письмах княгиня Евдокия Урусова чтение приравнивает к богоугодным делам молитве, посту, раздаче милостыни. Читать «почасту» – это интеллектуальный акт. Это нравственная обязанность и одновременно нравственная заслуга. Книга – духовный руководитель, вместилище вечных идей. Само собой разумеется, что вечные идеи не могут заполнить сотни и тысячи томов, ибо вечных идей немного. Следовательно, нужно не вообще читать книги и читать не всякие книги, а «пользоваться собой» строго определенным кругом избранных текстов.

Эта мысль в виде постулата прямо выражена в «Измарагде», сборнике, который с XIV по XVI века, а для старообрядцев и гораздо позднее служил настольной «книгой жизни». «Измарагд» начинается с поучений о книгах и чтении: «Воды бо часто капля каплющая и камень удалит, тако и книги, чтомы часто, наведут на истинный путь» (Панченко 1996: 205). Книга приравнивается к иконе, но не может приравниваться к обыкновенным вещам – деньгам, лошади и проч. Читающий книги согласно наставлениям «Измарагда» «обновляется, и просвещается, и спасается», становится причастным вечной истине. Его обязанность – делиться с другими, потому что человек не вправе претендовать на владение истиной. Истина – не частная собственность. Об этом идет речь в «Слове святого Ивана Златаустаго о не дающих книг чести

и переписать». Если ты богат и мудр, если у тебя есть книги, не хорони их от братьев, не собирай у себя в клети «на изъядание червем и плесни» (Там же: 206). По средневековым понятиям человек и книга составляли некое двуединство, некую духовную эманацию. При этом книга стояла выше, нежели человек.

Какую же культурную ценность противопоставили этой древнерусской ценности «новые учителя»? Их ключевые слова: «наука» и «премудрость». В Книгах премудростей Соломона читается: «Взыщите премудрости, да живи будете» (Книга премудростей Соломона, гл. IX, ст. 6). Показательно, что Аввакум посвятил этой фразе особую статью в своей «Книге толкований»: «Кую премудрость, глаголет, взыщите? Ту ли, ея же любит Павел митрополит (Павел, с 22 августа 1664 года митрополит Сарский и Подонский, знаток латыни и польского – А. П.) и прочий ево товарищи, зодийщики? Со мною он, Павел безумной, стяжая, глаголющи: велено-де, п[ротопоп], научатися премудрости алманашной и звездочетию, писано де: взыщите премудрость, да поживете. Не знает Писания, дурак, ни малехонко! Писание глаголет: взыщите премудрость, да поживете, и исправите в ведении разум, еже есть божия премудрость, – любы, милость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание.» Ясно, что для традиционалиста Аввакума «премудрость» – это нравственное совершенство, а для его оппонентов – это некий интеллектуальный феномен, «наука». Для Аввакума книга – духовный наставник, а для «новых учителей» – ученый собеседник. Чем меньше человек прочитал книг, тем ниже ценится он в среде барочных интеллектуалов. Чем больше его библиотека, тем он почтеннее.

Стефан Яворский, замечательный библиофил, в ожидании смертного часа написал по-латыни блистательную элегию к своей библиотеке, попрощался со своими любимыми книгами. Вот как звучит это прощание в русском силлабическом переводе XVIII века:

*Книги, мною многажды носимы, грядите,
свет очю моею, от мене идите!
Идите благочастно, иных насыщайте,
сот ваш уже прочим ныне искапайте!..
Вы богатство, вы слава бесте мне велика,
вы рай, любви радость и сладость колика.*

*Вы мене прославили, вы меня просветили,
вы мне у лиц высоких милость приобрели.
Но более жить с вами (ах, тяжкое горе!)
запрещает час смертный и горких слез море.*

Ни один из древнерусских книжников не мог бы заявлять о скорбных своих чувствах по такому поводу: смерть освобождает от тягот и соблазнов бременной жизни и причисляет к вечности, к той вечности, отголоском которой и считается душеполезная книга. Что касается Стефана Яворского, то для этого монаха и первенствующего иерарха русской церкви разделение веры и культуры уже совершилось окончательно и бесповоротно. То же самое отношение к древней культуре Руси обнаруживает Валерий Лепяхин у Симеона Полоцкого на основе анализа некоторых его произведений: «Симеон просто не знал (и не хотел знать), не любил и смотрел несколько снисходительно на древнерусскую традицию. Ему не надо было порывать с ней, поскольку Симеон был воспитан уже на западной эстетике, на ренессансных и просветительских художественных вкусах, на секуляризованной во многом западной философии. В Московской Руси он был пришлецом-новатором, все его идеи и его практическая деятельность являются плодом его образования...» (Лепяхин 1999).

В связи со столкновением в XVII веке различных культурных ценностей можно понять, почему чувство раскола в сознании современников возникло из-за правки богослужебных книг на Печатном дворе. Ведь аналогичная правка осуществлялась в русской церкви и не имела раньше серьезных последствий. Обратимся снова к философии культуры тех соловецких иноков, которые кровью своей запечатлели верность старым неправленным книгам. «Ересь завелась в Московском царстве», писали они. Наши книги правят с греческих книг, которые печатал неведомо кто и неведомо где. Они, конечно, превосходно знали, что эти «образцовые» книги печатались в Венеции. Но что тогда означает фраза «неведомо кто и неведомо где»? Их слова следует понимать, это книги, которые сочинял кто хотел, писал в них что хотел, печатал их где хотел. Другими словами они протестуют против «свободного творчества» в просветительском смысле, так как с их точки зрения «свободное творчество» – не ценность, и книга «свободного

творчества», не может быть душеполезной. Если книга – духовный авторитет, то она не должна отражать личное мнение. Книга – это «соборный» акт. Представители древнерусского понимания книги толковали правку душеполезных богослужебных книг как «свободное творчество» личное поползновение одного человека, презревшего «соборное свидетельство». Они были людьми иной культуры, со своими понятиями о творчестве, – людьми, которые «пользовали себя» книгой, «окормлялись» ею, искали в ней духовного руководства, а не интеллектуального, «интересного» чтения.

Теперь об авторах книг. В переходный период терминология писательского труда еще не установилась. В среде барочных полигисторов не говорили о «писателях» или «сочинителях», там говорили чаще о «трудниках слова». Однако самым употребительным самоназванием было «учитель» (и для противников, как мы видели, они были «новыми учителями», а также – «философами», «риторами», «альманашниками», людьми «внешней мудрости»). Когда умер Симеон Полоцкий, его царственный питомец Федор Алексеевич заказал Сильвестру Медведеву эпитафию их общему наставнику. По словам А.М. Панченко стихотворение можно считать квинтэссенцией новых представлений о творчестве и роли «трудника слова» в России.

*Зряй, человеце, сей гроб, сердцем умилися,
о смерти учителя славна прослезися.
Учитель бо zde токмо един таков бывый,
богослов правый, церкви догмата хранивый.
Муж благоверный, церкви и царству потребный,
проповедию слова народу полезный,
Семен Петровский от всех верных любимый,
за смиренномудрие преудивляемый...
Иже труды си многи книги написал есть
и под разсуждение церковное дал есть.
С церковию бо хоте согласен он быти
И ничто же противно церкви мудроствовати.
Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
учением правым то миру показаше.
В защипление церкви книгу Жезл создал есть,
в ея же пользу Венец и Обед издал есть,*

*Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием.
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
в научение роду российску явивый.*

Получается следующая картина: Симеон Полоцкий – это учитель «рода российска», причем единственный в свою эпоху учитель. Его главная нравственная заслуга – писательская работа, «творение книг». Все это согласуется с барочными представлениями о роли поэта. Поэт считает себя «вторым богом»: если бог Словом создал мир, то поэт своим словом создает новую реальность, извлекает из небытия новые миры и новых людей. Как эта концепция воспринималась традиционалистами?

Древнерусский писатель имел лишь косвенное отношение к «учительным людям». Учителем была книга, а не автор книги. Читая жития писателей, причисленных к лику святых, замечаем, что по древнерусским понятиям писательство иерархически никак не выделяется. В отношении к вечности все земные занятия одинаковы. Именно поэтому древнерусская литература анонимна. Именно поэтому ее история строится всегда как история памятников, текстов, а не как набор авторов с профилями художников.

И вот в эту борьбу за учительство включились барочные полигисторы – люди того типа, который олицетворял и утвердил в России Симеон Полоцкий. Исповедуя католический постулат, согласно которому человек оправдывается перед богом делами, они смотрели на свои словесные труды как на «дело», которое они предъявят на том свете. Димитрий Ростовский завещал положить в гроб вместе с его телом все черновые бумаги. Он так распорядился: чтобы показать богу черновики «Миней Четых», написанных по иноческому обету. Ясно также, почему Симеон Полоцкий и его последователи были столь продуктивны.

Естественно, что для человека древнерусского воспитания писатель барочного толка стал проблемой. Этот писатель, с его огромными претензиями, с его уверенностью в обладании истиной, был воспринят как претендент на учительство, просветительство. Чем же в сущности

занимались барочные поэты? Их цель – замена ценностей, замена веры культурой, замена обрядового текста поэзией.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов, В.В. 1975, *Великий русский язык*. Москва.
- Житие – *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения*. Москва, 1960.
- Красноречие – *Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.)*. Москва, 1987.
- Лепехин, В. 1999, Образ, икона и «живоподобие» в виршах Симеона Полоцкого. В кн.: *Пятьдесят лет сегедской славистике*. Сегед, 95–117.
- Лихачев, Д.С. 1973, *Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили*. Ленинград.
- Панченко, А.М. 1977, Два этапа русского барокко. В кн.: Лихачев Д.С. (отв. ред.), *Труды Отдела древнерусской литературы, т. XXXII*. Ленинград, 100–106.
- Панченко, А.М. 1979, История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко. В кн.: Лихачев Д.С. (отв. ред.), *Труды Отдела древнерусской литературы, т. XXXIV*. Ленинград, 189–199.
- Панченко, А.М. 1980, Переход от древней русской литературы к новой. В кн.: *Чтения по древнерусской литературе*. Ереван, 125–148.
- Панченко, А.М. 1996, Культура как состязание. В кн.: *Из истории русской культуры, т. III. (XVII – начало XVIII века)*. Москва, 198–223.